

«Летом 1956 года из пыльной горячей пустыни я возвращался наугад — просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять. Мне просто хотелось в среднюю полосу — без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила.

За год до того по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли. А меня тянуло — учительствовать. Говорили мне знающие люди, что нечего и на билет трагиться, впусую проезжу.

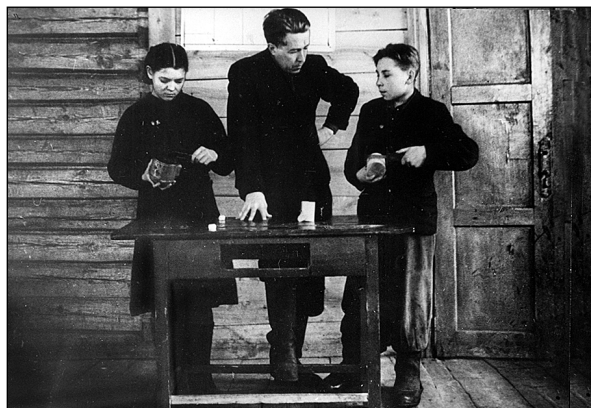
Но что-то начинало уже страгиваться. Когда я поднялся по лестнице Владимирского облоно и спросил, где отдел кадров, то с удивлением увидел, что *кадры* уже не сидели здесь за черной кожаной дверью, а за остекленной перегородкой, как в аптеке. Все же я подошел к окошечку робко, поклонился и попросил:

— Скажите, не нужны ли вам математики? Где-нибудь подальше от железной дороги? Я хочу поселиться там навсегда.

Каждую букву в моих документах перешутили, походили из комнаты в комнату и куда-то звонили. Тоже и для них редкость была — все ведь просят в город, да покрупней».

(«Матренин двор». Глава 1)

«...Раз, придя из школы, я застал в нашей избе гостя. Высокий черный старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле, который Матрена выставила ему на середину комнаты, к печке-«голландке». <...> Он сидел ровно, сложив руки на посохе, посох же отвесно уперев в пол, — сидел в положении терпеливого ожидания...

Мезиновская средняя школа, урок физики.
Мезиновка, 1957 г.

Когда я пришел, он плавно повернул ко мне величавую голову и назвал меня внезапно:

— Батюшка!.. Вижу вас плохо. Сын мой учится у вас. Григорьев Антошка...

Дальше мог бы он и не говорить... При всем моем порыве помочь этому почтенному старику, заранее знал я и отвергал все то бесполезное, что скажет старик сейчас. Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го «Г», выглядевший как кот после блинов. В школу он приходил как бы отдыхать, за партой сидел и улыбался лениво. Уж тем более он никогда не готовил уроков дома. Но, главное, борясь за тот высокий процент успеваемости, которым славились школы нашего района, нашей области и соседних областей, — из году в год его переводили, и он ясно усвоил, что, как бы учителя ни грозились, все равно в конце года переведут, и не надо для этого учиться. Он просто смеялся над нами. Он сидел в 8-м классе, однако не владел дробями и не различал, какие бывают треугольники. По первым четвертям он был в цепкой хватке моих двоек — и то же ожидало его в третьей четверти.

Но этому полуслепому старику, годному Антошке не в отцы, а в деды, и пришедшему ко мне на униженный пок-

лон, — как было сказать теперь, что год за годом школа его обманывала, дальше же обманывать я не могу, иначе развалю весь класс, и превращусь в балаболку, и наплевать должен буду на весь свой труд и звание свое?

И теперь я терпеливо объяснял ему, что запущено у сына очень, и он в школе и дома лжет, надо дневник проверять у него почаще и круто братья с двух сторон.

— Да уж куда крутей, батюшка, — заверил меня гость. — Бью его теперь, что неделя. А рука тяжелая у меня».

(«Матренин двор». Глава 2)

Вот учитель Солженицын сравнивает Коктерекскую и Мезиновскую школы:

«Преподавание в торфопродуктской («Мезиновской») школе я пытался оживить, но не достиг и отдаленно коктерекских результатов: дети были из семей, придавленных нуждой, а многие и в школу-то ходили за 5 верст по полю напрямик из окружных деревень — только чтоб здесь в лавке хлеба купить, а можно остаться и на 2-й и на 3-й год. (Русский район! — тут было много погибших на войне отцов и оттого дети их получали хоть и ничтожную пенсию, но — «до окончания средней школы». Для нищих колхозниц и это был заработок: не спеша, сынок, кончать...)»

(Архив А.И.Солженицына)

Ученики Мезиновской школы говорят, однако, о том, какой глубокий след оставил в их жизни тот год, что они учились у Солженицына. **Сергей Фролов**, будучи в 1960-х студентом Владимирского пединститута, предложил многотиражке «Молодой учитель» статью о Солженицыне-учителе. Тогда напечатать ее не решились, выдержки опубликовали только в 1993 г.:

А.И.Солженицын с любимым учеником Сергеем Фроловым в избе у Матрены. Мильцево, 1957 г.

«С первого дня мы полюбили Александра Исаевича. С нетерпением ждали его уроков. Урок проходил живо, интересно. Масса решенных примеров на доске, индивидуальные задания, устное решение примеров, новый материал, повторение, закрепление — итог проделанной работы за урок.

На контрольных никакой возможности списать не было. А.И. каждому из учеников давал задание на листочке и потом проверял в течение двух-трех дней. Рецензировал, например: «Молодец, соображаешь!» Или еще: «Начал правильно, хорошо, но в конце не хватило духу!» И так каждую работу не оставлял без внимания. Не считаясь со временем, старался в любое время помочь ученику. В перемену его можно было видеть только в кругу учеников.

Однажды он объявил, что скоро начнет работать математический кружок, записывайтесь у старосты класса. Желающих было очень много, на первом занятии 40 человек. А.И. предупредил, что кто не явится на одно из ближайших занятий, могут вообще не посещать кружок: интересного много, а повторять уже пройденное нет времени. На следующем занятии было 15–17 человек, с которыми он и занимался до конца учебного года. В кружке

мы знакомились с лучшими математиками мира, с доступными нам открытиями в математике. Каждый из кружковцев делал тот или иной измерительный прибор — астролябия, пантограф, эскеры двухзеркальный, крестообразный».

(Николай Лалакин. «Память благовеста». М.: Современный писатель, 1993)

Другие ученики: «Он не вел журнал. Переписал всех в простую ученическую тетрадь и на следующем уроке уже помнил все фамилии. Был очень строгий. Чтобы получить у него “4”, надо было несколько контрольных написать на “5”. Если видел, что человек чего-то не понимает, пытался докопаться до причин непонимания и спрашивал на каждом уроке» (В.Кишев, 1993). «В класс приходил с указкой и журналом, который лежал на столе и оставался нераскрытым. Никаких учебников и других книжек. Сразу же двое шли к доске, называлась страница учебника, параграф, номер задачи — работайте! А сам занимался с классом. И так все по памяти. Можно было не проверять — точно. Планку знаний он нам, конечно же, завывшал. На логарифмической линейке сразу же на-

чали с трехзначных цифр. Хотя и трудно, но освоили, а потом все как бы само пошло. На оценки был скуп, четыре с плюсом — потолок, на пять, шутил он, я и сам не знаю» (В.Птицына / Яшина / 2003).

И опять Сергей Фролов: «Я был тогда, в 56-м, 1 сентября, деревенским пареньком, учеником 8 «Г». В первый же день учитель буквально ворвался в класс — здравствуйте, товарищи! — и через минуту шесть человек уже сидели с контрольными листочками, двое пыхтели у доски, а еще через день-два он перетасовал всю нашу колоду в двести, примерно, гавриков и девчонок: сильных самых собрал в «А» и «Б», послабее — в «В» и «Г» классы. И началась математика! Времени на урок нам всегда не хватало: 45 длились 5, казалось, минут. Он научил нас работать — мыслить точно, при этом не потеть, а играть. Он жил стремительно, жадно, мы ринулись за ним в поток жизни, который из деревенского, сонного, вдруг оказался головокружительно интересным, едва ли не сбивающим с ног».

(Л.Королев. «Один день Александра Исаевича» / «Городские новости» / Ярославль / 4 марта 1998)

РЯЗАНЬ

В Рязани А.И.Солженицын преподавал физику и астрономию в средней школе № 2, старейшей в городе, служившей экспериментальной базой Академии педагогических наук. Школа размещалась в здании Рязанского духовного училища, созданного по указу Петра I. Там в середине XIX века учился будущий великий физиолог И.П.Павлов. Все годы рязанского учительства Солженицын тайно, увлеченно и много писал. Он начал преподавать в 1957/1958 учебном году, а ушел из школы, завершив первое полугодие 1962/1963 года, после того как был напечатан «Один день Ивана Денисовича» и скрывать далее писательство стало невозможно. Вот выдержки из «журналистского расследования» того времени:

«Прямая улица, ведущая к Оке, замкнутая в конце соборами Рязанского кремля. На этой улице — здание средней школы, где до последних дней преподавал физик Александр Солженицын.

Достаточно было одного месяца, чтобы имя рязанского учителя узнали в Москве и Владивостоке, в Париже и на зимовьях Антарктиды.

...Шли последние дни учебного полу-

годия и последние дни декабря, когда я открыл двери этой школы.

Солженицын — человек двух призваний. Его педагогический талант столь же бесспорен, как и литературный.

Он не просто знает свой предмет. [Он преподает] с той свежестью и увлечением, которые можно объяснить лишь истинным призванием. Он следит за технической периодикой, он делает пространственные доклады и сообщения, он постоянно «выходит из берегов» обычной школьной программы.

Вот что сказал один из учеников Александра Исаевича:

— Он интересно ведет уроки. Раньше я не любил физику...

И другой:

— Не знаю, какой из него получился писатель, но учитель он первоклассный.

То, что у Солженицына незаурядный литературный талант, никому из его коллег не приходило в голову. На мой вопрос они пожимают плечами. «Мы ничего не подозревали. Учитель как учитель. Лучше многих из нас. Не более».

Он дорожит временем, и это главное, что бросается в глаза при знакомстве с Солженицыным. Он приходит в школу за минуту-две до занятий. Он не задерживается после окончания уроков и без веской причины не заглядывает в учительскую. Он по возможности избегает долгих собраний, совещаний, не стесняясь воспользоваться помощью одного из своих учеников, чтобы проскользнуть незамеченным мимо распахнутой двери актового зала. В то же время он все успевает сделать. Он не нарушает обещаний, не опаздывает и требует самой щепетильной обязательности от других. Аккуратность Александра Исаевича стала почти нарицательной.

Солженицын несколько лет вел в школе фотокружок. Его лучшим помощником и любимым учеником был Саша Дмитри-

ев. Я попросил юношу дать своему учителю характеристику в трех словах.

— Умен, аккуратен, бережлив, — сказал Саша.

На стенах школьной фотолаборатории висят инструкции и рекомендации для тех, кто здесь занимается. Все они аккуратно отпечатаны Солженицыным на той самой машинке, на которой была написана повесть «Один день Ивана Денисовича».

(Виктор Буханов. «У Солженицына в Рязани» // Литературная Россия, 25 января 1963 года)

А вот свидетельства рязанских коллег и учеников Солженицына, опубликованные спустя четверть века:

«Как преподавателя А.Солженицына очень уважали и ценили. Он всегда работал с выдумкой, ученикам было интересно на его уроках. Впервые о его книгах я разговоривал с Александром Исаевичем уже после его ухода из школы. Мы встретились в филармонии. Спросил — не собирается ли он писать книгу о школе. А.И. ответил, что, может быть, и написал бы, но написанное им все равно не напечатают» *(О.Б.Суслович, в то время учитель истории школы № 2).*

«Мы сталкивались с Солженицыным только по работе. Он энергичный, темпераментный человек. Объяснения его на уроках были захватывающими, эмоциональными. Ребята слушали его с большим вниманием. Я часто был свидетелем его блестящих уроков. О том, что он пишет, не знал» *(И.А.Петров, учитель физики школы № 2).*

«С приходом нового учителя у меня появился интерес к предмету. Он умел вдохновлять, вселять веру в себя. Все в классе занимались физикой с большой

радостью, удовольствием. А.И. ввел систему преподавания по типу институтской. У нас были коллоквиумы, мы сдавали зачеты, часто ставили интересные опыты. Мне кажется, он с таким же успехом мог бы преподавать литературу. Главное было в том, *как он это делал*» (Н.Торопова / Сафонова / выпускница 1962 года).

(Свой среди чужих, чужой среди своих // Рязанский комсомолец, 28 ноября 1989)

С 1957 по 1961 год учился у Солженицына в рязанской школе **Сергей Гродзенский**, впоследствии опубликовавший свои воспоминания в «Книжном обозрении» и журнале «Звезда» (1994, № 6):

«Стиль Солженицына-педагога отличался от большинства учителей. Как-то на одном из первых его уроков класс хором «уличил» его в том, что в записи условия задачи он пропустил традиционные и казавшиеся нам тогда обязательными слова: «Дано», «Требуется определить», «Решение». Исаич, демонстрируя всем видом полнейшее недоумение, произнес: «Зачем?? Давайте экономить время и место в тетрадь». С тех пор исходные данные к задаче записывались в столбик и подчеркивались снизу и вертикальной чертой справа. Внизу (под чертой) символом и вопросительным знаком обозначалась цель задачи, а справа приводилось решение.

Урок А.И.Солженицына строился не совсем традиционно... классу в течение всех 45 минут приходилось работать активно. Для получения оценки не обязательно было выходить к доске. Достаточно в ходе урока 2–3 раза удачно ответить с места. Он требовал всегда ответа на поставлен-

ный вопрос, не допуская рассуждений вокруг да около. Делился с учениками не только знаниями, но и сомнениями. Если причина того или иного физического явления была ему (или науке того времени) неизвестна, он этого не скрывал.

Довольно часто Исаич устраивал контрольные работы. В вариант входили две задачи. Первая — элементарная, на школьном жаргоне — «задача в один вопрос». Вторая задача формулировалась так, чтобы ученик мог показать свои знания. Тут учитель учитывал, логичны ли рассуждения, насколько рационально решение. Черновик сдавался вместе с контрольной. «Может оказаться, что именно в черновике вы были рядом с решением», — говорил Александр Исаевич и в этом случае ставил отметку по черновику. Исаич старался дать возможность ученику поверить в свои силы. Говаривал, что человек порой сам свои потенциальные возможности не в состоянии оценить.

И я, и почти все другие ученики А.И.Солженицына нашего выпуска на вступительных экзаменах по физике получили «пятерку».

Уроки астрономии Исаич вел, пожалуй, еще увлеченнее, чем физики.

Он трепетно относился к русской речи. Болезненно реагировал на ее искажение. Догадывались ли мы, что он — писатель? Нет, могу сказать определенно.

Вообще его жизнь за школьным порогом была нам неведома.

Мы знали о нем меньше, чем об иных учителях».

(Исаич // Книжное обозрение, № 34, 24 августа 1990)

КАВЕНДИШ

В 1974 году, когда А.И.Солженицына выслали из СССР, его сыновьям было, соответственно, три года, полтора и шесть месяцев. Их детство проходило в лесистом северо-американском

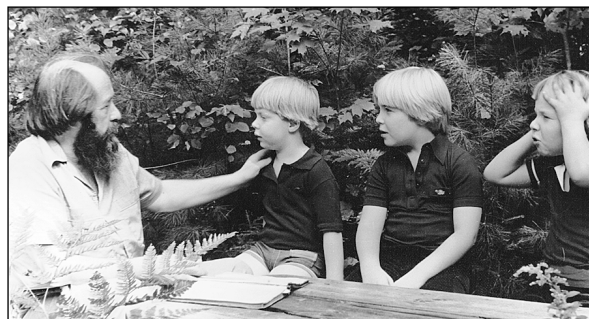
штате Вермонт, где уединенно жила семья близ маленького городка Кавендиш, и где они учились в местной школе. Но еще до американской школы началась их интенсивная учеба в школе домашней, одним из учителей которой был их отец. Он вспоминает об этих уроках в своих «Очерках изгнания»*:

А вот, затеваю я с двумя старшими и занятия по математике. (...Учу сыновей — привезла Аля из России — по тем книгам, что и сам учился.) Есть у нас и доска, прибитая к стенке домика, мел, ежедневные тетради и контрольные работы, все, что полагается. Вот не думал, что еще раз в жизни, но это уж последний, придется преподавать математику. А — сладко. Какая прелесть — и наши традиционные арифметические задачи, развивающие логику вопросов, а дальше грядет кристальная киселевская «Геометрия».

...А малыши первые годы росли на нашем участке как в русском заповеднике, Аля торопилась напоить их, до выхода в американскую среду, русским языком, ежедневно читала им вслух, они рано пристрастились и к собственному чтению, и к стихам наизусть (свою большую библиотеку Аля привезла почти целиком из Москвы). А я с Ермолаем–Игнатом, соединенно, вел алгебру и геометрию, со Степой позже, отдельно...

Стало ребятам от 7 до 10 — повел с ними физику и астрономию, и в конце августа, когда рано выступает звездное небо, водил их с горы и мимо пруда на единственную у нас открытую полянку, откуда можно было видеть распах звезд. Там разглядывали и запоминали созвездия и элементы математические, основные линии на небесной сфере, которые в другой день показывал на доске. Созвездия втягивали жадно.

* Александр Солженицын. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир, 1998, № 9, 11; 1999, № 2; 2000, № 9, 12; 2001, № 4; 2003, № 11.

Занятия с сыновьями.
Слева направо: Степан, Ермолай, Игнат Кавендиш (Вермонт), лето 1980 г.

...Во все свободные детские дни — в каникулы или когда гололед или снежная буря останавливали ход школьных автобусов, — Аля снова и снова занималась с детьми русскими предметами, а я — математикой и физикой».

(«Угодило зернышко...». Глава 6: Русская боль)

В одном из интервью (2003) музыкант **Игнат Солженицын** так отозвался об учителе-отце:

«Он замечательный педагог! Он один из самых лучших, а может быть, самый лучший учитель, с которым я встречался в жизни. Он обжигает, увлекает! Ты абсолютно не замечаешь времени, хочешь узнавать и узнавать дальше. Его урок похож на самое захватывающее приключение, как приключение Гекльберри Финна или Шерлока Холмса. Удивительно, как судьба одаривает людей: как будто не хватает его дара художника, общественного деятеля...

Мои родители дали нам, братьям, прекрасное домашнее образование, привили нам главное: любовь к процессу узнавания».